

Прежде чем он согрешит

Автор:

[Блейк Пирс](#)

Прежде чем он согрешит

Блейк Пирс

Загадки Макензи Уайт #7

Блейк Пирс, автор бестселлера «КОГДА ОНА УШЛА» (бестселлера #1 с более чем 900 отзывов с высшей оценкой), представляет книгу #7 в увлекательной серии детективных романов о Макензи Уайт.

В «ПРЕЖДЕ ЧЕМ ОН СОГРЕШИТ» (Загадки Макензи Уайт—Книга 7) по всему Вашингтону полиция находит тела священников, распятые перед входом в храмы. Что это, акт возмездия? Искать ли преступника среди служителей церкви? Или это серийный убийца, открывший охоту на священников и движимый более зловещими мотивами?

ФБР передаёт это дело специальному агенту Макензи Уайт, потому что оно перекликается с религиозными убийствами, которые она расследовала, когда охотилась на преступника по прозвищу «Страшила» в своём первом деле. Погрузившись в мир, в котором живут священники, Макензи пытается лучше понять смысл ритуалов, древних религиозных текстов и даже разум самого убийцы. При этом она также занята поиском убийцы отца, твёрдо решив, что на этот раз не даст ему уйти. Убийца священников намного более жесток, чем другие преступники, и в смертельной игре в кошки-мышки он подводит Макензи к черте, за которой начинается безумие.

Мрачный психологический триллер с увлекательным сюжетом «ПРЕЖДЕ ЧЕМ ОН СОГРЕШИТ» - это книга #7 в захватывающей серии детективных романов, рассказывающих о любимой героине. От книги просто невозможно оторваться.

Также не пропустите роман Блейка Пирса «КОГДА ОНА УШЛА» (Загадки Райли Пейдж—Книга #1), бестселлер #1 с более чем 900 отзывов с высшей оценкой.

Роман доступен для бесплатного скачивания!

БЛЕЙК ПИРС

Прежде чем он согрешит Загадки Макензи Уайт—Книга 7

О Блейке Пирсе

Блейк Пирс – автор серии-бестселлера о детективе РАЙЛИ ПЕЙДЖ, включающей в себя десять книг (и число их растёт). Блейк Пирс также является автором серии детективных романов о МАКЕНЗИ УАЙТ, включающей шесть книг (и число их растёт); серии детективных романов об ЭЙВЕРИ БЛЭК, включающей пять книг; а также новой серии романов о детективе КЭРИ ЛОК, включающей четыре книги (и число их растёт).

Книголюб и большой поклонник триллеров и детективов, Блейк будет рад услышать ваше мнение, поэтому заходите на www.blakepierceauthor.com (<http://www.blakepierceauthor.com/>), чтобы узнать больше и общаться с автором.

Copyright © 2017 by Blake Pierce. Все права защищены. Кроме случаев, оговорённых в Законе об авторском праве от 1976 года, запрещено копировать, распространять или передавать данное произведение и его части в любой форме и любыми средствами, а также хранить в любой базе данных или системе поиска без предварительного получения разрешения от автора произведения. Данная электронная книга предназначена только для вашего личного использования. Данную электронную книгу запрещено перепродавать или передавать другим лицам. Если вы желаете поделиться этой книгой с другим лицом, просим вас приобрести дополнительную копию книги для этого человека. Если вы читаете эту книгу, но вы ее не покупали, или она не была приобретена специально для вас, просим вас вернуть книгу и приобрести собственную копию произведения. Благодарим вас за проявленное уважение к тяжёлой работе автора. Данная книга является художественным произведением. Имена, герои, названия организаций, мест, событий и происшествий являются вымышленными. Любое совпадение с реальными именами и жизнями людей, ныне живущих или

умерших, является случайным. Фото на обложке: Copyright CRStudio.
Используется с разрешения Shutterstock.com.

КНИГИ БЛЕЙКА ПИРСА

СЕРИЯ «ЗАГАДКИ РАЙЛИ ПЕЙДЖ»

КОГДА ОНА УШЛА (книга #1)

КОГДА КРУГОМ ОБМАН (книга #2)

КОГДА РАЗБИВАЮТСЯ МЕЧТЫ (книга #3)

КОГДА ПРИМАНКА СРАБОТАЛА (книга #4)

КОГДА ОХОТА НАЧАЛАСЬ (книга #5)

КОГДА СТРАСТЬ СИЛЬНА (книга #6)

КОГДА ПОРА ОТСТУПИТЬ (книга #7)

КОГДА ОНА УМЕРЛА (книга #8)

КОГДА ЦЕЛЬ НАЙДЕНА (книга #9)

КОГДА ВСЁ ПОТЕРЯНО (книга #10)

КОГДА ВСЁ КОНЧЕНО (книга #11)

СЕРИЯ «ЗАГАДКИ МАКЕНЗИ УАЙТ»

ПРЕЖДЕ ЧЕМ ОН УБЬЁТ (книга #1)

ПРЕЖДЕ ЧЕМ ОН УВИДИТ (книга #2)

ПРЕЖДЕ ЧЕМ ОН НАЧНЁТ ОХОТУ (книга #3)

ПРЕЖДЕ ЧЕМ ОН ПОХИТИТ (книга #4)

ПРЕЖДЕ ЧЕМ ОН ЗАХОЧЕТ (книга #5)

ПРЕЖДЕ ЧЕМ ОН КОСНЁТСЯ (книга #6)

ПРЕЖДЕ ЧЕМ ОН СОГРЕШИТ (книга #7)

ПРЕЖДЕ ЧЕМ ОН ПОЙМАЕТ (книга #8)

СЕРИЯ «ЗАГАДКИ ЭЙВЕРИ БЛЭК»

МОТИВ ДЛЯ УБИЙСТВА (книга #1)

ПРИЧИНА БЕГСТВА (книга #2)

ПРИЧИНА СКРЫВАТЬСЯ (книга #3)

ПРИЧИНА БОЯТЬСЯ (книга #4)

ПРИЧИНА СПАСТИ (книга #5)

СЕРИЯ «ЗАГАДКИ КЭРИ ЛОК»

ОТПЕЧАТОК СМЕРТИ (книга #1)

СЛЕД УБИЙСТВА (книга #2)

ОТПЕЧАТОК ПОРОКА (книга #3)

ОТПЕЧАТОК ПРЕСТУПЛЕНИЯ (книга #4)

ПРИЗНАК НАДЕЖДЫ (книга #5)

Пролог

Солнце показалось на горизонте, но ещё не выжгло прохладу ночи – для Кристи это было любимое время дня. Глядя на то, как солнце поднимается над городом, она напоминала себе, что ночь когда-нибудь всегда подходит к концу, и сейчас ей нужно было это помнить, потому что она стала всё больше и больше отдаляться от Бога. Глядя на то, как солнце поднимается над зданиями Вашингтона, отгоняя ночь прочь, она вспомнила слова одной молитвенной песни: «Пусть будут слёзы в ночи, но утром будет радость...»

Она повторяла эти слова снова и снова, идя по дорожке в направлении церкви. Она уже несколько недель собиралась сюда прийти. Её вера пошатнулась, и она поддалась греху и искушению. Она решила, что нужно исповедаться, но это было непростое решение. Говорить о собственных грехах всегда тяжело, но она знала, что должна это сделать. Чем дальше между ней и Богом будет жить грех, тем сложнее будет всё исправить. Чем быстрее она исповедуется в своём грехе, тем выше шанс, что она встанет на верный путь и уверует вновь, потому что именно вера определяла её жизнь с десятилетнего возраста.

Она увидела вдали церковь, и ею снова овладела неуверенность: «Я смогу? Смогу ли я в этом признаться?»

Знакомые очертания церкви Благословенного Сердца говорили ей, что да, она сможет.

Кристи бил озноб. Она не знала, как назвать то, в чём была замешана. Романом? Она лишь однажды целовала того мужчину, а потом прекратила их отношения, но продолжала с ним видеться, продолжала наслаждаться его восхищением и комплиментами – словами, которые муж перестал говорить в её адрес уже много лет назад.

Ей казалось, что солнце, поднимаясь высоко в небе и окрашивая стены Благословенного Сердца в золото и нежно оранжевый цвет, выжигало лучами её

грех. Если ей нужен был знак, чтобы решиться на утреннюю исповедь перед священником, то это был он.

С тяжёлым сердцем она подошла к ступеням церкви. Она знала, что уже через несколько минут её совесть будет чиста. Она сможет вернуться домой, признав свои грехи, сбросив тяжёлый груз с души и...

Дойдя до дверей церкви, Кристи вскрикнула.

Она отступила назад, не переставая кричать. Пятясь, она чуть не упала с бетонных ступеней. Она закрыла рот ладонью, но не смогла приглушить крик.

На дверях висел отец Костас. Из одежды на нём было только бельё, и вдоль бровей шёл длинный разрез. Голова свисала вниз, словно он смотрел на босые ноги, болтающиеся в метре над крыльцом. Кровь тонкими струйками стекала с пальцев ног, собираясь в грязную лужу на бетоне.

«Распят, – подумала Кристи. – Отец Костас распят».

Глава первая

После последнего расследования Макензи Уайт сделала то, чего никогда не делала за всю свою карьеру, – попросила отпуск.

Ряд причин вынудил её просить двухнедельный отпуск, и не прошло и дня, как она поняла, что приняла правильное решение. С первого дня в Бюро она сразу создала себе нужную репутацию. Сама того не планируя, Макензи занималась резонансными делами, которые, казалось, сами так и шли ей в руки. Более того, она с честью справилась со всеми заданиями, чем впечатлила нужных людей в Куантико и Вашингтоне. После череды успешных дел, из-за которых она месяцами рисковала собственной жизнью, Макензи решила, что вполне могла рассчитывать на две недели оплачиваемого отпуска.

Начальство согласилось с ней и даже настояло на отдыхе. Она знала, что начальники были бы приятно удивлены, узнай они, как она проводит отпуск – в

спортзалах и на стадионах, работая над силой и выносливостью, оттачивая до совершенства навыки и инстинкты. У неё была прочная база. Она была хорошо знакома с правилами рукопашного боя. Она пугающе хорошо управлялась с огнестрельным оружием. Она была намного сильнее других женщин, с которыми училась в Академии.

Макензи хотелось стать ещё лучше.

Именно поэтому на восьмой день двухнедельного отпуска она потела в частном спортзале, доводя тело до изнеможения. Она оттолкнулась от угла боксёрского ринга, с признательностью кивнув спарринг-партнёру. Начинался второй раунд, и она была уверена, что проиграет бой. Ну и что с того.

Она занималась тайским боксом чуть больше месяца. Макензи делала определённые успехи и решила добавить к нему элементы менее известного направления. Благодаря индивидуальным занятиям с тренером и огромному упорству Макензи начала овладевать Яв-Ян, одним из видов филиппинского бокса. Смесь двух стилей была нетипична, но они с тренером пытались их объединить. Для Макензи это было физически непросто, и часто плечи и икры напрягались так, что казались твёрдыми, как кирпич.

И сейчас она чувствовала эти мышцы, подходя ближе к спарринг-партнёру. Они стукнулись перчатками и продолжили бой. Макензи тут же увернулась от удара и в ответ нанесла удар в нижнюю часть туловища.

Овладение новым стилем борьбы было схоже с изучением нового вида танца. В детстве Макензи ходила на танцы, навсегда запомнив, как важно не терять концентрации и правильно работать ногами. Эти знания она применяла и когда стала патрульным полицейским, и когда получила должность детектива в Небраске. Эти базовые знания очень помогли ей и в работе агента ФБР, не раз спасая жизнь.

Выйдя на ринг, она вспомнила всё, чему её учили. Она пыталась применить новые приёмы и знания, перейдя к серии нисходящих ударов ногами и руками, которые она чередовала с традиционными приёмами кикбоксинга. Удивление на лице спарринг-партнёра подействовало на Макензи ободряюще, побуждая её продолжать в том же духе. Это была всего лишь тренировка, но ей хотелось и здесь всё делать по высшему разряду.

Тренировка помогла отвлечься. Каждый удар рукой, ногой или локтём напоминал ей о прошлом. За пренебрежение, с которым она столкнулась в департаменте полиции Небраски, вот вам удар левой. Удар тыльной стороной ладони правой руки был ответом страху, который посеяло в ней расследование дела «Страшилы». Удар с поворотом угодил в центр очереди загадок, порождённых расследованием смерти отца.

Если говорить откровенно, именно дело отца побудило её овладеть новыми техниками боя, чтобы убедиться, что как боец она тоже продолжала расти. Она получила записку от кого-то, кто был связан со смертью отца,... кого-то, кто скрывался в тени, но явно знал, кто такая была Макензи.

Во время спарринга перед внутренним взором Макензи стояла эта записка.

Прекрати поиски...

Естественно, что она думала совсем об обратном. Именно поэтому сейчас она была на ринге, её взгляд сконцентрировался на партнёре, а мышцы натянулись, как струна.

Когда она нанесла ему удар сначала в солнечное сплетение, а потом локтем в ребро, раздался свисток из угла ринга. Судья улыбался и кивал, негромко аплодируя.

«Хорошо, Мак, – сказал он, – давай-ка передохни, ладно? Ты на ринге уже полтора часа».

Макензи кивнула, расслабилась и снова стукнулась перчатками со спарринг-партнёром – двадцатипятилетним парнем с телом боксёра. Он быстро улыбнулся ей через капу и также быстро перелез через канат и ушёл с ринга.

Макензи поблагодарила судью и направилась в раздевалку. Мышцы так болели, что даже дрожали, но она наслаждалась этим ощущением. Оно говорило о том, что она старалась и достигала новых высот.

Приняв душ и одевшись в то, что Эллингтон называл её «спортивным прикидом» (майку от Under Armour и чёрные спортивные легинсы), Макензи напомнила себе,

что ей сегодня предстояла ещё одна тренировка. Она надеялась, что к её началу руки уже перестанут дрожать. Конечно, если что, ей всегда поможет Эллингтон – сегодня вечером ей предстояло перетащить несколько довольно тяжёлых коробок.

Фактически, она жила у Эллингтона вот уже несколько дней, но только сегодня собиралась перевезти к нему все свои вещи. Переезд был одной из множества причин, из-за которых она попросила двухнедельный отпуск. Ей не нравилась мысль переезда за одни выходные. К тому же она решила, что переезд к Эллингтону был признаком взросления и развития. Ещё несколько месяцев назад она не могла и представить, что будет доверять кому-то настолько, что сможет разделить с ним квартиру и, как бы глупо это ни звучало, впустить его в своё сердце.

Переодевшись, Макензи вдруг поняла, что с нетерпением ждала этого переезда. Тело продолжало ныть, когда она чуть не бежала к машине.

Преимуществом отсутствия тяги к материальным вещам был тот факт, что когда пришло время паковать вещи, их оказалось совсем немного. Они за один раз загрузили всё в пикап Эллингтона и арендованный грузовик. Благодаря наличию в доме Эллингтона лифта на весь переезд ушло меньше двух часов, и коробок оказалось совсем немного.

Переезд они отметили едой на вынос из китайского ресторана и бутылкой вина. Тело Макензи ныло после тренировки, она устала, но была бесконечно счастлива. Она ожидала, что будет нервничать, а может, и сожалеть о решении съехаться, но когда они стали распаковывать коробки, не отвлекаясь от ужина, она вдруг поняла, что с нетерпением ожидала начала этого нового этапа жизни.

«Давай договоримся, – сказал Эллингтон, прижимая канцелярский нож к скотчу на крышке одной из коробок. – Ты должна заранее предупредить меня, если в этих коробках я вдруг наткнусь на какое-нибудь неприличное видео или диск».

«Мне кажется, что самая неприличная из моих записей – это саундтрек к жуткому ремейку «Ромео и Джульетты», вышедшему в девяностые. Что я могу

сказать? Мне очень нравилась та песня Radiohead».

«Ты прощена», – сказал Эллингтона, разрезая скотч.

«А у тебя есть что-нибудь неприличное в доме?» – спросила Макензи.

«Я выкинул все старые CD и DVD диски. Всё в компьютере. Мне нужно было расчистить пространство. Как будто я подозревал, что однажды ко мне в дом переедет сексуальная агент ФБР».

«Интуиция тебя не подвела, – ответила Макензи. Она подошла к Эллингтону и взяла его за руки. – У тебя есть... последний шанс отказаться, до того как мы начали распаковывать коробки».

«Отказаться? Ты в своём уме?»

«С тобой будет жить девушка, – сказала она, притянув его ближе. – Девушка, которая любит порядок. Девушка, у которой пунктик на порядке».

«Ой, да я в курсе, – ответил Эллингтон. – Жду с нетерпением».

«И тебя не смущает мой гардероб? Ты готов поделиться шкафом?»

«У меня совсем немного вещей, – сказал Эллингтон, наклоняясь ближе. Их носы почти соприкасались, и между ними начинал разгораться привычный жар. – Можешь забрать хоть весь шкаф».

«Косметика, тампоны, чужая голова на твоей подушке и больше грязной посуды. Ты уверен, что готов к такому?»

«Да, хотя у меня есть вопрос».

«Какой?» – спросила Макензи, водя пальцами по рукам Эллингтона, от ладоней к плечам. Она знала, к чему идёт разговор, и все ноющие мышцы тела были к этому готовы.

«Насчёт женской одежды, – сказал Эллингтон. – Ты не можешь всё время разбрасывать её по квартире».

«Хм, я и не собираюсь».

«Знаю, – ответил он, а потом снял с неё майку. То же самое он сделал и со спортивным бюстгалтером, который был под ней, – но вот я, наверное, буду, – добавил он, кинув одежду на пол».

Он поцеловал Макензи и потянул её в спальню, но у них не хватило терпения, чтобы до неё дойти. Они оказались на ковре в гостиной, и хотя ноющим мышцам был неприятен твёрдый пол, на котором она лежала, другие части тела не откликнулись на их протест.

Когда в 4:47 зазвонил телефон, и она потянулась за ним к прикроватному столику, в сонном мозгу Макензи пронеслась одна единственная мысль:

«Звонок в такой час... Похоже, мой отпуск закончился».

«Да», – ответила она, не называясь, потому что фактически была в отпуске.

«Уайт?»

Как ни странно, но за последние девять дней она смогла даже немного соскучиться по Макграту. Звук его голоса в трубке резко и быстро вернул её к реальности.

«Да, это я».

«Прости за ранний звонок», – сказал начальник. Не успел он продолжить, как Макензи услышала, как на другом конце кровати зазвонил телефон Эллингтона.

«Что-то серьёзное, – подумала она. – Что-то плохое».

«Послушай, я знаю, что ты в отпуске на две недели, – сказал Макграт, – но у нас тут кое-что случилось, и мне нужна помощь твоя и Эллингтона. Как можно скорее приезжай на работу».

Это был уже не вопрос, а прямой приказ. Не попрощавшись, Макграт повесил трубку. Макензи вздохнула и посмотрела на Эллингтона, который тоже заканчивал говорить по телефону.

«Судя по всему, отпуску конец», – со слабой улыбкой заключил он.

«Ну что ж, – ответила Макензи, – конец был запоминающийся».

А потом, словно они были уже давно женаты, они поцеловались и встали с постели, чтобы отправиться на работу.

Глава вторая

В здании штаб-квартиры ФБР было пусто, когда Макензи и Эллингтон вошли внутрь. Оба бывали здесь в разное время суток, поэтому ничему не удивились. Однако если их вызывали на работу в столь ранний час, это не предвещало ничего хорошего. Обычно это означало, что их ожидает что-то поистине ужасное.

Дойдя до кабинета Макграта, они увидели, что дверь открыта. Он сидел за небольшим столом в зоне для совещаний и просматривал документы. Компанию ему составлял ещё один агент, женщина, с которой Макензи уже как-то встречалась. Её звали агент Ярдли. Тихая и всегда говорящая правду, Ярдли время от времени помогала в работе агенту Харрисону. Она кивнула и механически улыбнулась, когда Макензи и Эллингтон вошли в кабинет и прошли к столу. Она сразу обратила взгляд к экрану компьютера, сконцентрировавшись на нём.

Когда Макграт поднял на Макензи глаза, она невольно заметила на его лице тень облегчения – хорошее начало работы после прерванного отпуска.

«Уайт, Эллингтон, – сказал Макграт, – вы знакомы с агентом Ярдли?»

«Да», – ответила Макензи, кивнув коллеге.

«Она только что вернулась с места преступления, которое связано с другим расследованием пятидневной давности. Изначально я отдал ей это дело, но сейчас, зная, что речь может идти о серийном убийце, я попросил Ярдли собрать всю имеющуюся информацию, чтобы передать её вам двоим. Произошло убийство,... второе подобное убийство за пять дней. Уайт, я вызвал тебя потому, что ты уже имела дело с подобным преступлением. Я говорю о деле «Страшилы».

«Что произошло?» – спросила Макензи.

Ярдли развернула к ним свой ноутбук. Макензи подошла к ближайшему стулу и присела. Она смотрела на изображение на экране, не проронив ни слова. Она делала так всегда, давая себе возможность профессионально изучить что-то зловещее, проявив при этом смиренное сострадание, которое чувствуешь всегда, сталкиваясь с трагедией.

Макензи увидела пожилого мужчину с седыми волосами и бородой. Мужчина висел на дверях церкви. Его руки были вытянуты в стороны, а голова свисала вниз, имитируя распятие. На груди виднелись неглубокие резанные раны, а на лбу – большой и глубокий разрез. Мужчина был раздет до белья, которое практически полностью пропиталось кровью из ран над бровями и в груди. Судя по тому, что она могла разглядеть, руки жертвы были в буквальном смысле прибиты к двери гвоздями. Ноги, однако, были просто связаны.

«Это уже вторая жертва, – сказала Ярдли, – преподобный Нед Таттл, пятьдесят пять лет. Тело обнаружила пожилая женщина, приехавшая в церковь рано утром, чтобы возложить цветы на могилу мужа. Пока мы с вами разговариваем, на месте преступления работают криминалисты. Судя по всему, тело висит не более четырёх часов. Наши агенты уже связались с членами семьи, чтобы сообщить о трагедии».

«Она любит руководить и добиваться результатов, – подумала Макензи. – Мы сработаемся».

«Что мы знаем о первой жертве?» – спросила она.

Макграт бросил ей папку. Когда она её открыла и занялась изучением, Макграт рассказал подробности: «Отец Костас из католической церкви Благословенного Сердца. Пять дней назад его нашли в той же позе на дверях храма. Я порядком удивлён, что вы не слышали об этом из новостей».

«Я решила не смотреть новости на время отпуска», – ответила Макензи, бросив на Макграта шуточный взгляд, который прошёл незамеченным.

«Я что-то слышал об этом в комнате отдыха, – сказал Эллингтон. – Женщина, обнаружившая тело, долгое время находилась в состоянии шока, да?»

«Верно».

«Криминалисты выяснили, – добавила Ярдли, – что к моменту обнаружения отец Костас висел на дверях не более двух часов».

Макензи просмотрела материалы дела. На фотографиях был изображён отец Костас в той же позе, что и преподобный Таттл. Фотографии были почти идентичны, включая длинный разрез на лбу жертв.

Она закрыла папку и вернула её Макграту.

«Где находится эта церковь?» – спросила она, указывая на экран ноутбука.

«На выезде из города. Это большая пресвитерианская церковь».

«Скиньте адрес сообщением, – сказала Макензи, поднимаясь со стула. – Я бы хотела сама осмотреть место преступления».

Очевидно, за последние восемь дней Макензи соскучилась по работе сильнее, чем думала.

Ещё не рассвело, когда Макензи и Эллингтон подъехали к церкви. Криминалисты как раз заканчивали работу. Тело преподобного Таттла было снято с дверей, что вполне устраивало Макензи. На фотографиях с мест убийств отца Костаса и преподобного Таттла она увидела всё, что нужно.

«Два убийства с имитацией распятия на главных дверях церкви. Убитые, скорее всего, были главными служителями этих церквей. Кто-то явно имеет зуб на церковь. Кто бы это ни был, его неприязнь не связана с определённой конфессией».

Макензи и Эллингтон подошли к дверям церкви, где собирали свои вещи криминалисты. Слева, рядом с табличкой с названием церкви, стояла группа людей. Одни стояли, обнявшись, и молились. Другие рыдали в голос.

«Прихожане», – с грустью решила Макензи.

Макензи и Эллингтон подошли к двери. Здесь картина была ещё хуже. Двери были перемазаны кровью, и виднелись две большие дырки там, где были вбиты гвозди. Макензи огляделась в поисках другой религиозной символики, но ничего не нашла. На двери были только кровь, грязь и пот.

«Это смелый поступок, – подумала она. – Здесь явно скрыт какой-то символизм. Почему церковь? Почему двери церкви? Одно убийство могло бы считаться случайностью, но два подряд с прибитыми к дверям священниками – это уже умысел».

Ей казалось оскорбительным, что кто-то решился на убийство рядом с церковью. Возможно, в этом и был весь смысл. Пока было рано судить. Сама Макензи не особо верила в религию, Бога или силу веры, но полностью уважала право людей жить по вере. Иногда ей тоже хотелось так жить. Возможно, именно по этой причине убийство казалось ей таким ужасным. Вызывало отвращение издевательское изображение смерти Христа на входе туда, куда люди приходили в поисках утешения и уединения, связанного с именем Бога.

«Даже если бы это было первое подобное убийство, – сказал Эллингтон, – глядя на место преступления, я бы сразу подумал, что оно станет не единственным. Оно... возмутительно».

«Ты прав, – ответила Макензи. – Вот только я не понимаю, почему оно вызывает во мне такую реакцию».

«Потому что церковь считается безопасным местом. Ты не ждёшь, что на дверях будут большие дыры от гвоздей и следы свежей крови. Это прямо ужасы Ветхого Завета».

Макензи не особенно хорошо знала Библию, но ещё с детства запомнила некоторые из рассказов: что-то об Ангеле Смерти, который шёл по городу и забирал новорождённых детей из всех домов, где двери не были помечены определённой меткой.

Внутри всё похолодело. Она вздрогнула и повернулась к криминалистам. Махнув рукой, она привлекла внимание одного из них. Он подошёл ближе, явно удручённый тем, что ему и остальным пришлось здесь увидеть. «Агент Уайт, – сказал он, – теперь вы занимаетесь этим делом?»

«Похоже на то. Я хотела спросить, не забрали ещё у вас те гвозди, которыми тело было прибито к двери?»

«Они у нас, – ответил мужчина. Он махнул коллеге и кивнул головой в сторону двери. – Тот, кто это сделал,... либо чертовски силён, либо у него было очень много времени, чтобы сотворить такое».

«Это сомнительно, – сказала Макензи. – Она кивнула головой в сторону парковки у церкви и прилегающей к ней проезжей части. – Даже если убийца сделал это около двух-трёх часов ночи, маловероятно, чтобы даже в такой час по Браунинг-стрит не проехала и не заметила его ни одна машина».

«Если только убийца заранее не изучил местность и не узнал, в какое время после полуночи здесь наиболее безлюдно», – предположил Эллингтон.

«Есть возможность посмотреть видео с камер?» – спросила Макензи.

«Нет. Мы всё проверили. Агент Ярдли даже созвонилась с владельцами соседних зданий. Камеры видеонаблюдения оказались только у одного из них, и те выходят на противоположную от церкви сторону. Здесь нам не повезло».

К ним подошёл ещё один криминалист. В руках у него был пластиковый пакет среднего размера, в котором лежали два больших железных гвоздя и кусок каната. Гвозди были все в крови, которая перепачкала и внутреннюю сторону пакета.

«Это железнодорожные костыли?» – спросила Макензи.

«Вероятно, – сказал эксперт. – Но если и так, то это их миниатюрная версия. Такие используют в строительстве курятников или загонов для скота».

«Как скоро вы получите результаты их анализа?» – спросила Макензи.

Мужчина пожал плечами. «Может, в середине дня. Скажите, что именно вас интересует, и я постараюсь узнать результат как можно раньше».

«Постарайтесь выяснить, чем убийца забивал гвозди. Это можно узнать по рисунку шляпки?»

«Да, думаю, мы сможем это выяснить. У нас уже есть всё, что нужно, чтобы начать работу. Тело у нас, и оно не попадёт к коронеру, пока мы с ним не закончим. С дверей и крыльца сняли отпечатки. Мы дадим вам знать, если что-нибудь найдём».

«Спасибо», – сказала Макензи.

«Извините, что пришлось передвинуть тело. Начинало светать, а мы не хотели, чтобы его фото оказалось на страницах всех сегодняшних газет, а может, и завтрашних тоже».

«Всё в порядке. Я понимаю».

После последних слов Макензи развернулась и снова посмотрела на створчатые двери, дав негласно понять, что разговор с криминалистами окончен. Она пыталась представить, как среди ночи кто-то тащит тело по узкой лужайке, а потом вверх по ступеням. Свет от уличных фонарей не попадал на двери. Передний фасад церкви тоже никак не освещался, поэтому ночью вход находился в полной темноте.

«Возможно, у убийцы было больше времени на то, чтобы сотворить такое, чем я изначально подумала», – решила она.

«Какая странная просьба, – сказал Эллингтон. – У тебя появились догадки?»

«Пока не знаю. Единственное, что я могу сказать наверняка, это то, что потребуется немалая сила и упорство, чтобы в одиночку поднять тело с земли и прибить руки к дверям. Если для этого использовалась кувалда, значит, убийц было несколько – один держал жертву над землёй и вытягивал руку, а второй вбивал гвоздь».

«Ну и картинка вырисовывается, скажи?» – заметил Эллингтон.

Макензи кивнула и начала фотографировать место преступления на телефон. В голове вновь пронеслась мысль о распятии, заставив её вспомнить первое дело, в котором оно фигурировало; дело, которым она занималась ещё в Небраске и благодаря которому попала в поле зрения Бюро.

«Страшила», – подумала она. – Боже, когда-нибудь я смогу о нём забыть?»

Позади неё солнце начало подниматься над горизонтом, освещая новый день первыми лучами. Тень Макензи медленно заползла на ступени церкви, и она попыталась отмахнуться от мысли о том, что та была очень похожа на крест.

В памяти вновь всплыл убийца по прозвищу «Страшила».

«Может, так и надо, – с надеждой подумала Макензи. – Может, когда я закрою это дело, меня перестанут преследовать воспоминания о распятых в кукурузных полях женщинах». Однако посмотрев в сторону запятнанных кровью дверей пресвитерианской церкви Краеугольного Камня, она с горечью поняла, что это был не больше, чем самообман.

Глава третья

В следующие полчаса Макензи узнала немало информации о преподобном Неде Таттле. Во-первых, из семьи у него были двое сыновей и сестра. Жена бросила его восемь лет назад и вместе с любовником, с которым у неё целый год до этого был роман, переехала в Остин, штат Техас. Оба сына проживали в районе Джорджтауна. К ним в первую очередь и направились Макензи с Эллингтоном. Макензи припарковала машину у квартиры Брайана Таттла в 6:30 утра. Агент, который говорил с семьёй, сообщил, что сейчас в квартире находились оба брата, чтобы ответить на вопросы о смерти отца.

Макензи немного удивилась, войдя в квартиру Брайана Таттла. Она ожидала увидеть убитых горем сыновей, разбитых потерей благочестивого родителя. Она застала братьев сидящими за небольшим обеденным столом на кухне. Оба пили кофе. Двадцатидвухлетний Брайан Таттл ел кашу, а девятнадцатилетний Эдди Таттл рассеянно макал вафлю в сироп.

«Я не совсем понимаю, на какую помощь вы рассчитываете, – сказал Брайан. – Мы не особенно ладили с отцом».

«Могу я спросить почему?» – спросила Макензи.

«Потому что мы прекратили с ним всякое общение, когда он с головой ушёл в церковь».

«А вы не верите в Бога?» – спросил Эллингтон.

«Не знаю, – сказал Брайан. – Наверное, я агностик».

«Я верю в Бога, – сказал Эдди, – но отец... вознёс веру на новый уровень. Например, когда он узнал об измене матери, он ничего не сделал. Спустя два дня он простил и её, и парня, с которым она ему изменяла. Он сказал, что прощает их, как должен прощать истинный христианин. О разводе он и слышать не хотел».

«Да, – добавил Брайан. – Мать решила, что отцу на неё наплевать, наплевать на её измену и бросила его. Он даже не попытался её остановить».

«Отец пытался наладить с вами контакт после ухода жены?»

«О да, – ответил Брайан. – Каждое субботнее утро он умолял нас прийти в церковь».

«Кроме этого, – добавил Эдди, – всю неделю он был слишком занят, чтобы с нами увидеться, даже если мы этого хотели. Он либо находился в церкви, либо занимался благотворительностью, либо навещал больных в больницах».

«Когда в последний раз вы с ним разговаривали?» – спросила Макензи.

Братья в раздумьях посмотрели друг на друга. «Сложно сказать, – начал Брайан. – Возможно, месяц назад. Разговор был ни о чём. Он спрашивал всё об одном и том же: как дела на работе, с кем я встречаюсь и так далее».

«Получается, мы можем смело заявлять, что вы оба связи с отцом не поддерживали?»

«Да», – ответил Эдди.

Он опустил глаза, съедаемый сожалением. Макензи и раньше видела подобную реакцию. Она могла спорить, что не пройдёт и часа, как хотя бы один из братьев будет рыдать в подушку, понимая, что больше у них не было отца, которого им так и не удалось узнать ближе.

«А вы не знаете, кто с ним близко общался? – спросила она. – У него были друзья?»

«Только настоятель церкви, – сказал Эдди, – главный священник прихода».

«Разве ваш отец не был настоятелем?» – спросила Макензи.

«Нет. Он был вроде ассистента пастора, – сказал Брайан. – Настоятеля, по моему, зовут Джерри Левинс».

Макензи заметила, что молодые люди совсем не владеют терминологией. Пастор, преподобный, священник... Всё было так запутано. Макензи не знала, в чём между ними разница, полагая, что всё зависело от разницы во взглядах той или иной деноминации.

«Ваш отец проводил с ним много времени?»

«О да, – со злостью ответил Брайан. – Думаю, он проводил с ним всё своё время. Если у вас есть вопросы об отце, то вам следует поговорить именно с ним».

Макензи кивнула, понимая, что никакой полезной информации из братьев ей не вытащить. И всё же ей хотелось поговорить с ними ещё немного. От них веяло недосказанностью и одиночеством. Если бы она смогла пробиться через стену спокойствия, за которой скрывались их настоящие чувства, она бы могла добиться от них большего.

Макензи поблагодарила братьев за помощь и развернулась к выходу. Они с Эллингтоном молча вышли из квартиры. Когда они спускались по лестнице, он взял её за руку.

«Ты в порядке?» – спросил он.

«Да, – смутившись, ответила Макензи. – Почему ты спрашиваешь?»

«Двое детей,... только что потерявших отца и не знающих, как справиться с этой потерей. Просто беспокоюсь в связи с новыми подробностями дела твоего отца...»

Макензи улыбнулась ему, наслаждаясь теплом, которое разлилось по сердцу от его слов. «Боже, он может быть таким милым...»

Выйдя на солнечный свет, Макензи также поняла, что Эллингтон был прав. Причина, по которой она хотела остаться и продолжить разговор, крылась в том, что она хотела помочь братьям Таттл разобраться во взаимоотношениях с отцом.

Видимо, возобновление расследования смерти отца волновало её больше, чем она думала.

Было странно видеть пресвитерианскую церковь Краеугольного Камня при свете дня. Макензи проехала мимо неё по дороге к преподобному Джерри Левинсу. Левинс жил через улицу от церкви. Макензи часто видела подобное в Небраске, где главы небольших церквей жили совсем недалеко от приходов.

Когда они подъехали к дому, то увидели на улице и подъездной дорожке множество машин. Макензи решила, что это были прихожане церкви, приехавшие к преподобному в поисках утешения или, наоборот, чтобы утешить его самого.

Когда Макензи постучала в дверь скромного кирпичного дома, дверь открылась почти сразу. Судя по виду, женщина, встретившая их на пороге, недавно плакала. Она подозрительно смотрела на Макензи и Эллингтона, пока Макензи не показала ей удостоверение.

«Мы агенты Уайт и Эллингтон из ФБР, – сказала она. – Мы бы хотели поговорить с преподобным Левинсом, если он дома».

Женщина открыла дверь, и они вошли в дом, наполненный всхлипами и рыданиями. Откуда-то из глубины дома слышались тихие голоса молящихся.

«Сейчас я его позову, – сказала женщина. – Пожалуйста, подождите здесь».

Макензи смотрела, как женщина проходит вглубь дома и заворачивает в крошеную гостиную, на входе в которую стояли несколько человек. После некоторых перешёптываний к ним вышел высокий лысый мужчина. Как и женщина, открывшая дверь, он тоже недавно плакал.

«Чем я могу вам помочь, агенты?» – сказал Левинс.

«Я знаю, что это напряжённый и печальный момент, – сказала Макензи, – но мы бы хотели узнать больше о преподобном Таттле. Чем скорее у нас появятся зацепки, тем быстрее мы поймает того, кто это сделал».

«Вы считаете, его смерть связана со смертью бедного священника в начале недели?» – спросил Левинс.

«Пока мы не можем говорить наверняка, – ответила Макензи, хотя совершенно точно знала, что две смерти связаны. – Именно поэтому мы надеялись поговорить с вами».

«Конечно, – сказал Левинс. – Давайте поговорим на крыльце. Я не хочу мешать молитве».

Он вывел их на улицу и присел на бетонную ступеньку. «Я должен сказать, что даже не знаю, что вы сможете узнать о Неде, – добавил он. – Он был активным христианином. Кроме некоторых проблем с семьёй не думаю, что он конфликтовал с кем-то настолько, чтобы заиметь врагов».

«Дружил ли он с кем-либо из прихожан, в чей честности и моральных принципах вы можете усомниться?» – спросил Эллингтон.

«С Недом Таттлом все дружили, – смахивая слёзы, ответил Левинс. – Он был почти святой. Он регулярно возвращал почти четверть своей зарплаты церкви. Он всё время проводил в центре города, помогая с раздачей еды и одежды нуждающимся. Он стриг газоны старикам, ремонтировал окна, три года подряд ездил миссионером в Кению, чтобы помогать врачам».

«Может, у него было мутное прошлое?» – спросила Макензи.

«Нет. Я говорю это совершенно уверенно, потому что хорошо знаю о его прошлом. Мы вместе через многое прошли. И я могу вас заверить, что ни один из грехов прошлого не мог послужить причиной того, что с ним сделали прошлой ночью».

«А что вы можете сказать о прихожанах? – спросила Макензи. – Есть ли среди них те, кого преподобный Таттл мог обидеть словом или делом?»

Левинс думал не больше секунды, а потом отрицательно замотал головой: «Нет. Если такое и случалось, то Нед мне об этом не рассказывал, и я ничего не знаю. Но опять-таки... Повторюсь, что уверен в том, что у него не было врагов».

«Вы не знаете, был ли...», – начал Эллингтон.

Левинс поднял руку, словно отмахиваясь от его слов. «Мне очень жаль, – сказал он, – но я скорблю по погибшему другу, и в доме меня ждут скорбящие прихожане. В другой день я с радостью отвечу на все ваши вопросы, но сейчас я должен вернуться к Богу и своей общине».

«Конечно, – сказала Макензи. – Я понимаю и искренне соболезную вашей утрате».

Левинс выдавил из себя улыбку и поднялся на ноги. По лицу бежали слёзы. «Я говорил искренне, – прошептал он, изо всех стараясь не разрыдаться перед ними. – Дайте мне день-два, чтобы прийти в себя. Дайте знать, если у вас ещё будут вопросы. Я хочу помочь придать суду того, кто это сделал».

После этих слов он вернулся в дом. Макензи и Эллингтон направились к машине. Солнце сияло в небе. Сложно было поверить, что сейчас было всего 8:11 утра.

«Что дальше? – спросила Макензи. – Есть идеи?»

«Что ж... Я проснулся почти четыре часа назад, но ещё не пил кофе. Давай начнём с него».

Двадцать минут спустя Макензи и Эллингтон сидели напротив друг друга в небольшой кофейне. Они пили кофе и просматривали материалы дела по убийству отца Костаса, которые взяли из кабинета Макграта; и электронную копию дела преподобного Таттла, которую переслали Макензи на почту. Она читала документы с телефона.

Кроме фотографий изучать было в принципе нечего. Даже в случае отца Костаса, к делу которого прилагались хоть какие-то отчёты, они не давали почти никакой информации. Причиной смерти послужило либо колотое ранение лёгкого, либо глубокий надрез в области шеи, который прошёл так глубоко, что оголил позвонок и спиной мозг.

«Согласно отчёту, – сказала Макензи, – отец Костас, скорее всего, умер в результате ранений. Вероятно, что на момент распятия он был уже мёртв».

«И это что-то означает?» – спросил Эллингтон.

«Думаю, что да. Очевидно, что убийства носят религиозный характер. В пользу этого довода говорит факт распятия. Правда, есть большая разница между актом распятия, как посланием и имитацией распятия».

«Мне кажется, я понял, к чему ты ведёшь, – сказал Эллингтон, – но всё равно продолжай».

«Для христиан образ распятия – это просто изображение. В нашем случае смерть вследствие распятия не является целью убийцы. Если бы это было так, то на телах жертв не было бы других ран. Вот подумай... Христианство, как религия было бы другим, если бы Иисус был распят уже после смерти».

«Думаешь, убийца распинает жертв только для видимости?»

«Пока рано делать выводы, – сказала Макензи. Она сделала долгую паузу, чтобы в полной мере насладиться глотком кофе, – но я бы сказала, что «да». Обе жертвы были представителями духовенства,... в той или иной степени лидерами. Их распятие как христианского символа на дверях христианских церквей – это знак. За этим кроется мотив».

«Ты только что назвала Иисуса Христа христианским символом. Я думал, ты веришь в Бога».

«Верю, – сказала Макензи, – но не так слепо и самозабвенно, как Нед Таттл. Когда дело касается библейских рассказов: говорящего змея, ковчега, подробностей распятия, мне кажется, верование должно отойти на второй план и уступить место слепой вере, а меня это не устраивает».

«Ух ты, – с улыбкой сказал Эллингтон. – Как глубоко ты копнула. Я... на этот вопрос я просто предпочитаю отвечать «я не знаю». Что касается мотива, о котором ты говорила, как нам его найти?»

«Хороший вопрос. Я хочу начать с семьи отца Костаса. В отчётах о ней ничего не сказано. Ещё я думаю...».

Слова Макензи прервал звонок телефона Эллингтона. Он быстро достал его из кармана и нахмурился, увидев имя на дисплее. «Это Макграт», – сказал он, прежде чем ответить.

Макензи слушала, как Эллингтон говорит по телефону, не в силах понять, о чём идёт речь. Не прошло и минуты, как Эллингтон положил трубку и вернул телефон в карман.

«Похоже, что семью Костаса ты наведишь одна. Макграт вызывает меня в офис. Нужно накопать информации по секретному делу, которым он занимается».

«Что, скорее всего, означает рутинную работу, – сказала Макензи. – Тебе повезло».

«И всё равно... странно, что он отзывает меня так скоро, когда у нас нет ни единой зацепки. Это должно означать, что он вдруг проникся бесконечной верой в тебя».

«А ты нет?»

«Не придирайся к словам», – с улыбкой сказал Эллингтон.

Макензи отхлебнула кофе, удручённо отметив, что стакан уже пуст. Она бросила его в мусор, собрала документы и взяла телефон, чтобы снова пуститься в путь. Правда, для начала она подошла к стойке, чтобы купить ещё один кофе.

День собирался быть очень долгим. Если Эллингтона не будет рядом, чтобы помочь ей не потерять бдительность, ей однозначно нужен был кофе.

С другой стороны, долгие дни обычно приводили к новым зацепкам и оказывались довольно продуктивными. Если всё пойдёт по плану, то Макензи доберётся до убийцы ещё до того, как он начнёт планировать очередное преступление.

Глава четвёртая

Подбросив Эллингтона до подземного гаража у здания ФБР (и насладившись быстрым, но страстным поцелуем на прощание), Макензи направилась в церковь Благословенного Сердца. Она не ожидала, что найдёт там что-то стоящее, поэтому, прибыв на место, не была разочарована, ведь так всё и вышло.

Двери в церковь уже заменили на точную копию тех, что она видела на фотографиях с места преступления. Она вошла по ступеням, которые были красивее украшены, чем лестница пресвитерианской церкви Краеугольного Камня, и подошла к новым дверям. Затем Макензи отвернулась от них и оглядела улицу. Она пыталась понять, что ещё могло означать распятие мужчин на входных дверях.

«Возможно, они должны были смотреть на что-то», – подумала Макензи. Перед глазами были лишь припаркованные автомобили, дорожные знаки и редкие пешеходы.

Она опустила глаза к полу и нижней кромке двери. На бетоне виднелись небольшие грязные капли. Она узнала цвет – цвет высохшей крови, впитавшейся в светлый бетон.

Она обратила свой взгляд к лестнице, пытаясь представить, как кто-то тащит по ступеням мёртвое тело. Одно можно было сказать наверняка – это дело не из лёгких. Конечно, Макензи не могла точно знать, был Костас мёртв на момент распятия или нет, но пока это была её рабочая теория.

Стоя у створчатых дверей и оглядываясь, Макензи мысленно прошлась по фактам, известным ей из отчёта. «Использовались те же гвозди, что и на месте убийства Таттла. Жертв объединяет большой разрез на лбу, который, возможно, символизирует терновый венок Иисуса».

Сложно было представить эту жуткую картину, стоя на крыльце церкви. Стоя у входа в неё, люди никогда не думали о смерти и кровопролитии.

«Возможно, в этом и весь смысл. Возможно, это составляющая мотива убийцы».

Чувствуя, что она вот-вот додумается до чего-то важного, Макензи сбежала по ступеням вниз. Было странно не чувствовать присутствия Эллингтона рядом, но

когда она вернулась в машину и завела двигатель, думать Макензи могла только о расследовании.

Во второй раз за день Макензи вошла в наполненный людьми дом. Отец Костас жил в милом двухэтажном доме в пригороде. Макензи встретила женщина, представившаяся прихожанкой Благословенного Сердца. Она провела Макензи в кабинет и попросила немного подождать.

Через несколько секунд в комнату вошла пожилая женщина. Она выглядела сильно уставшей и до глубины души опечаленной, присаживаясь в кресло напротив нарядной софы, на которой сидела Макензи.

«Простите, что побеспокоила, – сказала Макензи. – Я не знала, что здесь будет так много людей».

«Да, я тоже, – ответила женщина. – Сегодня состоятся похороны, и поэтому здесь все эти люди: члены семьи, знакомые, прихожане, – она сонно улыбнулась и добавила. – Меня зовут Нэнси Алленсворт, я секретарь прихода. Мне сказали, вы из ФБР?»

«Да, мэм. Не хочу вас ещё больше расстраивать, но сегодня было найдено ещё одно тело, с которым поступили так же, как и с отцом Костасом. Жертва – преподобный из небольшой пресвитерианской церкви недалеко от Джорджтауна».

Нэнси Алленсворт прикрыла рот ладонью, не веря своим ушам. «Боже мой, – сказала она, а потом сквозь слёзы и сжатые челюсти прошипела. – Куда катится этот мир?»

Не отвлекаясь, Макензи продолжила: «Как вы понимаете, у нас есть все основания полагать, что раз такое преступление случилось дважды, оно может повториться вновь. Время играет сейчас главную роль. Я надеялась, что вы сможете ответить на несколько моих вопросов».

«Я попытаюсь», – сказала женщина. Было видно, что она с трудом сдерживает эмоции.

«Благословенное Сердце – довольно большая община. Я хотела узнать, в последнее время никто не обращался к отцу Костасу с жалобой или недовольством?»

«Я об этом ничего не знаю. Прошу помнить, однако, что многие приходили к нему, чтобы исповедаться в грехах или разобраться в душевных переживаниях».

«А в последние несколько лет не происходило ничего, что бы могло задеть чувства кого-нибудь из прихожан? Не происходило ничего, что расстроило кого-то из общины, кто до этого смотрел на отца Костаса с благоговением?»

Нэнси опустила глаза и посмотрела на свои руки. Она нервно сплела пальцы и положила руки на колени, чтобы не было видно, что они дрожат: «Мне кажется, происходило, но случилось это до того, как я начала здесь работать. Лет десять назад произошёл один случай, о котором писали в местной газете. Мальчик-подросток из молодёжной группы заявил, что отец Костас его изнасиловал. Это было недвусмысленное заявление. Доказательств не было представлено, и, честно говоря, отец Костас ни за что бы этого не сделал. Однако когда появляются подобные заявления, касающиеся представителя католической церкви, они принимаются за чистую монету».

«Что случилось потом?»

«Мне говорили, что отцу Костасу приходили письма с угрозами. Прихожан стало на пятнадцать процентов меньше. Ему начали приходить электронные письма от неизвестных адресатов, содержащие порнографические материалы гомосексуального характера».

«Он сохранил эти письма?» – спросила Макензи.

«Он хранил их какое-то время, – ответила Нэнси. – Он обратился в полицию, но они так ничего и не выяснили. Когда стало ясно, что полиция ему не поможет, он удалил все письма. Я лично никогда их не видела».

«Что вы можете сказать о подростке, который выступил с заявлением? Если бы вы дали мне его имя, я бы могла с ним поговорить».

Нэнси покачала головой, и по лицу побежали слёзы: «Он покончил с собой через несколько месяцев. В предсмертной записке он признался в своей гомосексуальности. Это был ещё один удар по отцу Костасу. Теперь обвинения казались ещё более правдоподобными».

Макензи кивнула, думая, как поступить. Естественно, она понимала, что получить нужную информацию у скорбящей вдовы было очень сложно. Это становилось на порядок сложнее, если дело касалось старого разбирательства, наделавшего шуму в прессе, которое могло быть – а могло и не быть – правдой. Макензи решила, что нужно было узнать больше о молодом человеке, который подал заявление, а потом покончил с собой. Эту информацию она могла найти самостоятельно, не мешая женщине готовиться к похоронам отца Костаса.

«Мисс Алленсворт, спасибо большое, что уделите мне время, – сказала Макензи, вставая с дивана. – Примите мои искренние соболезнования по поводу вашей утраты».

«Да благословит вас Господь, моя дорогая», – ответила Нэнси. Она тоже поднялась с места и проводила Макензи к выходу.

Уходя, Макензи дала ей карточку со своим именем и телефоном. «Я понимаю, что на вас многое навалилось, – сказала она, – но если в следующие несколько дней вы что-нибудь вспомните, пожалуйста, позвоните».

Нэнси молча взяла визитку и положила её в карман. Затем она развернулась к Макензи спиной, сдерживая очередной приступ рыданий, и закрыла за собой дверь.

Макензи направилась к машине, доставая на ходу телефон. Она позвонила агенту Харрисону, который сразу взял трубку.

«Как продвигается расследование?» – спросил он.

«Пока не знаю, – ответила Макензи. – Можешь сделать мне одолжение и просмотреть материалы десятилетней давности, чтобы найти информацию о том, как отца Костаса обвинили в сексуальном насилии в отношении подростка, руководителя молодёжной группы. Мне важны любые подробности».

«Без проблем. Думаешь, это зацепка?»

«Я не знаю, – сказала она. – Мне просто кажется, что стоит проверить парня, который утверждал, что подвергся насилию со стороны священника, которого прибили гвоздями к дверям собственной церкви».

«Да, мысль разумная», – ответил Харрисон.

Макензи повесила трубку, вновь вспомнив «Страшиллу» и Небраску. Она и раньше имела дела с преступниками, чьи действия имели религиозный подтекст. Макензи знала, что такие люди непредсказуемы и очень упёрты. Она не могла рисковать, а значит, должна была проверить все варианты.

Сев в машину, она поняла, что изнасилованный мальчик мог стать весомой зацепкой. К тому же, если не проверить его, то ей оставалось лишь вернуться в штаб-квартиру и зарыться в отчёты, надеясь, что криминалисты найдут что-нибудь стоящее.

И Макензи понимала, что пока она будет сидеть и ждать, когда дело само разрешится, у убийцы будет время, чтобы спланировать свой следующий шаг.

Глава пятая

Часы на панели приборов показывали 3:08 ночи, когда пастор вышел из церкви.

Он наблюдал за ним издали через лобовое стекло. Он знал, что пастор – почти святой человек с безупречной репутацией, а его церковь была благословлена. И всё же он был разочарован. Иногда ему казалось, что святые должны быть как-то выделены на фоне остальных, чтобы их было легче заметить. Например, как на старых картинах, где у Иисуса над головой был виден золотой нимб.

Эта мысль его позабавила. Он видел, как пастор поздоровался с другим мужчиной, стоящим у машины, припаркованной рядом с церковью. Этот второй мужчина был каким-то помощником. Он видел его и раньше, но не обращал на него внимания. Этот помощник был в конце церковной служебной лестницы.

Нет, его больше интересовал архипастор.

Он закрыл глаза, пока мужчины разговаривали. Он молился, и в машине стояла полная тишина. Он знал, что мог молиться где угодно, и Бог всегда слышал его. Он уже давно понял, что Богу неважно, где ты находишься, когда молишься или исповедуешься в грехах. Не обязательно находиться внутри огромного, безвкусно украшенного здания. В Библии фактически говорится, что такие украшенные здания оскорбляют Бога.

Когда с молитвой было покончено, он вспомнил слова из Писания. Он медленно произнёс их вслух хриплым голосом:

«В молитве не уподобляйся лицемерам, ибо они молятся в синагогах и на площадях, чтобы их видели другие».

Он вновь обратил свой взгляд к пастору, который отошёл от машины и направился к другому автомобилю.

«Лицемер», – сказал он голосом из смеси горечи и печали.

Он также знал, что Библия предупреждала о лжепророках апокалипсиса. В конце концов, именно по этой причине он делает то, что делает. Лжепророки, которые восхваляют Господа, а сами следят, как наполняются блюда для пожертвований, которые они пускают по рядам; а также те, кто проповедует об очищении от грехов и чистоте, со сладострастием наблюдая за маленькими мальчиками, – худшие из всех. Они хуже торговцев наркотиками и убийц. Они хуже насильников и самых отъявленных преступников.

Все об этом знают, но никто ничего не делает.

Теперь всё изменится, потому что он услышал глас Господин, призвавший его всё исправить.

Его задача – избавить мир от лжепророков. Это кровавая, но благословенная работа. Это единственное, что ему следует знать.

Он снова посмотрел на пастора, который сел в машину и отъехал от церкви.

Через какое-то время он тоже вывел машину на дорогу. Он преследовал пастора на безопасном расстоянии, чтобы не приближаться слишком близко.

Остановившись на светофоре, он услышал тихое мелодичное позвякивание массивных гвоздей в коробке.

Глава шестая

Она подходит к церкви. В свете кровавой луны её тело отбрасывает длинную, похожую на жука – богомола или, может, многоножку – тень на тротуар. Звонит колокол, большой колокол собора, призывая всех на молитву, песнопение и восхваление.

Но Макензи не может войти в церковь. На крыльце стоит толпа людей, собравшись у входных дверей. Среди них она видит Эллингтона, Макграта, Харрисона, мать и сестру, с которыми уже давно не разговаривает, и даже старого напарника Брайерса, а также некоторых бывших коллег, с которыми работала бок о бок на должности детектива в Небраске.

«Что вы все здесь делаете?» – спрашивает она.

Эллингтон поворачивается к ней. Его глаза закрыты. Он одет в красивый костюм, на фоне которого выделяется кроваво-красный галстук. Он улыбается ей, не открывая глаз, и прижимает палец ко рту. Стоящая рядом с ним мать указывает на двери в церковь.

Там отец. Он привязан и распят. На голове терновый венок, а из раны в боку вытекает жидкость, похожая на моторное масло. Он смотрит прямо на неё большими безумными глазами. Он сошёл с ума. Она видит это по взгляду и

хитрой ухмылке.

«Ты пришла, чтобы спастись?» – спрашивает он Макензи.

«Нет», – отвечает она.

«И ты совершенно точно пришла не для того, чтобы спасти меня. Уже слишком поздно. Поэтому приклонись. Молись. Обрети со мной мир».

Словно кто-то согнул её изнутри, Макензи опускается на колени. Она давит на них всем весом, царапая кожу о бетон. Прихожане начинают петь на всех языках. Она открывает рот и бессвязно подпевает. Она смотрит на отца. Его голову окружает огненное свечение. Он мёртв, глаза безжизненно смотрят в никуда, а из рта течёт тонкая струйка крови.

Снова и снова слышится звук колокола.

Звон...

Звон. Что-то звонит.

Телефон. Макензи резко открыла глаза и быстро взглянула на часы на прикроватном столике, которые показывали 2:10 ночи. Она ответила на звонок, пытаясь выкинуть из головы последние воспоминания о кошмаре.

«Уайт слушает», – сказала она.

«Доброе утро», – сказал Харрисон.

Макензи даже немного расстроилась. Она ждала, что это будет Эллингтон. Он занимался одним малопонятным делом по поручению Макграта. Он обещал позвонить, но пока Макензи от него ничего не слышала.

«Харрисон, – про себя подумала Макензи. – Что, чёрт возьми, ему нужно?»

«Ещё слишком рано, чтобы говорить «доброе утро», – заметила она.

«Знаю, – сказал Харрисон. – Прости. Я звоню тебе по поручению Макграта. Произошло ещё одно убийство».

Несколько СМС спустя Макензи уже знала всё, что ей нужно было знать об этом деле. Строптивая парочка остановила машину в тени на парковке у одной из больших церквей, чтобы заняться сексом. Когда страсти начали накаляться, девушка увидела что-то странное на дверях церкви. Увиденное напугало её достаточно, чтобы забыть о запланированных сексуальных утехах. Расстроенный упущенным шансом покрасоваться перед новой подружкой, её спутник подошёл ближе к церкви и увидел голого мужчину, прибитого к двери гвоздями.

Всё это произошло у довольно известной церкви Живого Слова, одной из самых крупных церквей города. Она часто фигурировала в выпусках новостей, потому что на службы нередко приходил президент. Макензи никогда здесь не бывала (её последний визит в церковь случился после развратных выходных ещё в колледже), но величие и масштаб храма произвели на неё должное впечатление, когда она остановила машину на прилегающей парковке.

Она прибыла на место преступления одной из первых. Здесь уже были криминалисты. Они как раз подходили к церкви. Из одной из машины вышел агент. Судя по всему, он ожидал её приезда. Макензи совсем не удивилась, узнав в агенте Ярдли, которая изначально занималась делом отца Костаса.

Ярдли встретила её на тротуаре, ведущем к главному входу в церковь. Она выглядела уставшей, но одновременно взволнованной – подобное волнение мог увидеть и понять только такой же агент, как и она сама.

«Агент Уайт, – сказала она, – спасибо, что так быстро приехали».

«Не за что. Вы первой прибыли на место преступления?»

«Да. Я приехала примерно пятнадцать минут назад. Мне позвонил Харрисон».

Макензи сначала хотела что-то сказать по этому поводу, но потом передумала. «Странно, что не мне сообщили первой, – подумала она. – Макграт заменил

Эллингтона на неё. В этом есть смысл, ведь именно она занималась делом Костаса».

«Вы уже видели тело?» – спросила Макензи, когда они пошли по направлению к дверям вслед за командой криминалистов.

«Да, но не подходила слишком близко. Всё выглядит так, как и на местах предыдущих убийств».

Сделав ещё несколько шагов вперёд, Макензи смогла сама в этом убедиться. Она держалась немного позади, чтобы криминалисты и судмедэксперты могли делать свою работу. Зная о присутствии двух агентов, ожидающих своей очереди, те работали быстро, но эффективно, давая им возможность тоже подойти ближе и самим осмотреть тело.

Ярдли была права. Всё выглядело так же, как и на других местах убийств, включая длинную метку над бровями. Единственное отличие заключалось в том, что бельё мужчины сползло вниз, или же его специально спустили к самым лодыжкам.

Один из экспертов обернулся к агентам. Он казался сбитым с толку и даже немного опечаленным:

«Жертва – Роберт Вудалл, местный архипастор».

«Вы уверены?» – спросила Макензи.

«Абсолютно. Моя семья ходит в эту церковь. Я был на его проповедях не меньше полусотни раз».

Макензи подошла ближе к телу. Двери церкви Живого Слова были не такими красивыми, как в церквях Краеугольного Камня или Благословенного Сердца. Они выглядели по-современному и были выполнены из качественного дерева. Двери умышленно состарили так, чтобы они походили по виду на амбарные ворота.

Как и в других случаях, руки пастора Вудалла были прибиты гвоздями к двери, а ноги связаны бечёвкой. Макензи посмотрела на обнажённые половые органы и подумала, что, вывешивая тело, убийца специально акцентировал внимание на его наготe. Однако при осмотре она не увидела ничего необычного и решила, что бельё просто соскользнуло вниз, возможно, под весом впитавшейся крови. На теле было несколько кровоточащих ран. На груди виднелось несколько порезов. Спину осмотреть не было возможности, но, судя по струйкам крови, запачкавшим торс и стекающим по ногам, можно было сделать вывод, что на спине тоже было несколько ран.

А потом Макензи заметила небольшую рану, которая всколыхнула воспоминания о недавно пережитом жутком кошмаре.

В правом боку был разрез. Он был небольшим, но легко заметным. В нём чувствовалась какая-то точность и даже чистота. Макензи наклонилась ближе и указала на него рукой. «Что вы об этом думаете?» – спросила она криминалистов.

«Я тоже заметил этот разрез, – сказал тот, кто узнал пастора Вудалла. – Это резанная рана, возможно нанесённая макетным ножом вроде X-АСТО».

«На теле есть и другие раны и порезы, – сказала Макензи. – Они были нанесены обычным ножом, я права? Углы и края...»

«Да. Вы верите в Бога?» – спросил эксперт.

«За последние сутки мне часто задают этот вопрос, – ответила она. – Несмотря на мой ответ, я понимаю, что означает эта рана. Именно сюда Иисуса пронзили копьём, когда он висел на кресте».

«Да, – ответила Ярдли из-за спины Макензи. – Но тогда крови не было, верно?»

«Верно, – сказала Макензи. – Согласно Писанию, из раны полилась вода».

«Зачем убийца акцентировал внимание на этой ране? – гадала она. – И почему у других жертв её не было?»

Макензи отошла назад, чтобы осмотреть место убийства со стороны, пока Ярдли разговаривала с экспертами. Это расследование и так не давало ей покоя, но эта неожиданная рана в боку Вудалла заставила её думать, что дело было ещё запутаннее, чем она изначально решила. В действиях убийцы был символизм, но это был многослойный символизм.

«Убийца всё тщательно спланировал, – подумала она. – У него есть план, и он методично ему следует. Более того, наличие этого точного разреза на теле говорит о том, что он убивает не только для того, чтобы убить, он хочет нам что-то сказать».

«Но что именно?» – тихо спросила она вслух.

В темноте ночи она стояла у входа в церковь Живого Слова, пытаясь прочитать послание, скрытое на теле мёртвого пастора.

Глава седьмая

За время, которое понадобилось Макензи, чтобы добраться от церкви Живого Слова до штаб-квартиры ФБР, пресса каким-то образом узнала о новом убийстве. Убийство отца Костаса освещали в новостях, а смерть Неда Таттла – нет. Учитывая, что сейчас речь шла об архипасторе такой статусной церкви, как Живое Слово, у новости были все шансы попасть в заголовки газет. Макензи прибыла в офис в 4:10 утра и сразу направилась в кабинет Макграта. Она решила, что подробности убийства пастора Вудалла станут основным событием утренних выпусков новостей, а к обеду о них будут говорить по всем федеральным каналам.

Она чувствовала нарастающее давление, входя в кабинет начальника. Он сидел за небольшим столом для совещаний и разговаривал с кем-то по телефону. Рядом с ним сидел Харрисон и читал что-то с экрана ноутбука. Ярдли тоже была здесь, прибыв всего на пару минут раньше Макензи. Она сидела, слушала, как Макграт говорит по телефону, и ждала дальнейших указаний.

Глядя на Ярдли и Харрисона, Макензи вдруг захотелось, чтобы Эллингтон тоже был рядом. Эти мысли напомнили ей, что она до сих пор не знала, что за дело поручил ему Макграт. Она гадала, не было ли оно как-то связано с текущим расследованием, но если так, то почему ей ещё ничего не сообщили о местонахождении Эллингтона?

Когда Макграт наконец закончил разговор, он оглядел собравшихся трёх агентов и вздохнул. «Это был заместитель директора Кирш, – сказал он. – Он поручил это дело трём своим агентам, чтобы они вели его параллельно с вами. Мы облажались, когда пресса узнала об убийстве. Поднимется большая шумиха, и это произойдёт уже очень скоро».

«Для этого есть какая-то особенная причина?» – спросил Харрисон.

«Живое Слово – очень известная церковь. В неё ходит президент. Часто там появляются и некоторые другие политики. Церковные подкасты еженедельно слушают около полумиллиона человек. Вудалл не был знаменитостью, но его хорошо знали. А если в эту церковь ходит президент...»

«Понял», – сказал Харрисон.

Макграт посмотрел на Макензи и Ярдли: «Нашли что-нибудь примечательное на месте убийства?»

«Возможно, да», – ответила Макензи. Она подробно рассказала о необычном точном разрезе в правом боку Вудалла. Однако она не стала говорить о том, что пыталась увидеть в этой ране некий акт символизма. У неё не было ни одной рабочей теории, а тратить время на пустые разговоры ей не хотелось.

Макграт был в панике. Он развёл руки и кивнул в сторону стульев, стоящих вокруг стола: «Присаживайся. Давайте ещё раз пройдемся по фактам. Я хочу, чтобы Кирш владел той же информацией, что и мы. Включая вас троих, теперь над делом работают шесть агентов. Если мы будем работать слажено, владеть всей информацией, то сможем прижать этого парня до того, как он совершит новое убийство».

«Итак, – сказала Ярдли, – мы точно знаем, что он не ограничивается какой-то одной конфессией. Более того, кажется, что он делает это почти нарочно.

Жертвы принадлежали к католической церкви, пресвитерианской и теперь к внеконфессиональной».

«Стоит также взять во внимание, – сказала Макензи, – что пока мы не можем сказать наверняка, для чего он использует распятие: как средство наказания и символ или просто для имитации».

«А в чём разница?» – спросил Харрисон.

«Пока мы не знаем, чем он руководствуется, мы не можем понять мотив, – ответила Макензи. – Если всё дело в имитации, тогда, скорее всего, он не верующий, возможно, даже озлобленный атеист или человек, который верил в Бога раньше, но не верит сейчас. Но если распятие носит для него символический характер, он может быть ярым верующим с довольно странными способами заявления о своей вере».

«Говоря о тонком разрезе на боку Вудалла, – спросил Макграт, – у других жертв его не было?»

«Нет, – сказала Макензи. – Это что-то новое. И это наводит меня на мысль, что рана должна что-то значить. Возможно, через неё убийца пытается нам что-то сказать; или она говорит о том, что он дальше съезжает с катушек».

Макграт оттолкнулся от стола и поднял глаза к потолку, словно искал там ответы. «Я не питаю иллюзий, – сказал он. – Я знаю, что у нас нет ни одной зацепки или теории, но если ко времени, когда об этом гадском деле растреляют все национальные каналы и газеты, у нас ничего не будет, нам придётся плохо. Кирш говорит, ему уже звонила какая-то конгрессвумен, прихожанка Живого Слова, и спрашивала, почему мы не разобрались с этим делом сразу после убийства Костаса. От вас троих мне нужен результат. Если к обеду вы мне ничего не представите, мне придётся привлечь ещё людей, а я этого не хочу».

«Я узнаю, может криминалисты что-нибудь нашли», – предложила Ярдли.

«Я лишь прошу, чтобы вы работали с ними сообща, – сказал Макграт. – Я позвоню, чтобы их предупредить. Я хочу, чтобы вы были рядом, как только они найдут что-нибудь важное».

«Это как искать иголку в стоге сена, – сказал Харрисон, – но я могу проверить информацию по местным хозяйственным магазинам за последние несколько месяцев, чтобы найти квитанции о покупке таких гвоздей, которыми пользовался убийца. Насколько я понимаю, они довольно редкие».

Макграт кивнул. Это была хорошая мысль, но по его лицу было видно, что он понимает, как много времени уйдёт на поиски.

«А ты, Уайт?» – спросил он.

«Я поговорю с членами семьи и коллегами, – сказала она. – В такой большой церкви, как Живое Слово обязательно должен быть хотя бы один человек с теорией о том, почему Вудалла убили».

Макграт громко хлопнул в ладоши и подался вперёд. «Отличный план, – сказал он. – Принимайтесь за работу. В начале каждого часа сообщайте мне новости. Понятно?»

Ярдли и Харрисон кивнули. Харрисон закрыл ноутбук и поднялся со стула. Они вышли из кабинета, но Макензи осталась. Когда Ярдли закрыла за собой дверь, оставив её наедине с Макгратом, она развернулась к нему лицом.

«Чёрт, что ещё?» – спросил он.

«Любопытство, – сказала Макензи. – Агент Эллингтон мог бы нам неплохо помочь в этом деле. Куда вы его отправили?»

Макграт неловко заёрзал на стуле и быстро посмотрел через окно в предутреннюю темноту.

«Когда я поручил ему другое задание, я даже предположить не мог, что это дело так сильно осложнится. И, со всем уважением, тебя никак не касается то, чем он сейчас занят».

«Со всем уважением, – ответила Макензи, пытаюсь не звучать так, словно защищается, – но вы забрали у меня напарника, с которым мы отлично сработались, и оставили меня один на один с этим расследованием».

«Я не оставил тебя один на один, – сказал Макграт. – Харрисон и Ярдли – отличные агенты. А сейчас,... прошу тебя, агент Уайт, иди работать».

Она хотела сказать ещё что-то, но не видела в этом смысла. Меньше всего ей хотелось взбесить Макграта. Им и так приходилось нелегко; да и к тому же, сейчас было слишком рано, чтобы спорить с недовольным боссом.

Она быстро кивнула и вышла из кабинета. По дороге к лифту она достала телефон. В столь ранний час она решила не звонить Эллингтону, а отправить сообщение.

«Пишу узнать, как у тебя дела, – набрала она. – Позвони или напиши, когда сможешь».

Она отправила текст и зашла в лифт. Она спустилась в гараж, где Макензи ждала машина. На улице было по-прежнему темно – это была беспроглядная темнота, способная скрыть любые тайны.

Глава восьмая

Выпив кофе, Макензи вернулась в церковь Живого Слова. Она знала, что та была большой организацией, и на то, чтобы найти сотрудника или прихожанина, обладающего важной информацией, у неё могла уйти целая вечность. Она решила, что если о произошедшем уже стало известно, то близкие пастора Вудалла должны быть в церкви, чтобы организовать панихиду или просто быть ближе к Богу в минуту печали.

И вновь интуиция её не подвела. Когда она подъехала к церкви, тело Вудалла уже сняли с дверей. На месте преступления до сих пор находилось несколько офицеров полиции и агентов ФБР, но там были и другие люди, стоящие то там, то здесь. От церкви их отделяла жёлтая оградительная лента, пересекающая бетонную дорожку, ведущую к дверям.

Некоторые из этих людей плакали в голос. Другие стояли обнявшись. Макензи обратила внимание на одиноко стоящего мужчину, который повернулся к церкви

спиной. Он опустил голову, и его губы медленно двигались в молитве. Макензи уважительно подождала, когда он закончит, а потом подошла ближе. Приблизившись, она увидела, что его лицо перекосилось от злости.

«Извините, сэр, – сказала она, – у вас найдётся минутка?» В конце фразы она показала удостоверение и представилась.

«Да, – ответила мужчина. Он моргнул и потёр глаза, словно пытаясь избавиться от сна или воспоминаний о кошмаре. Он протянул руку и добавил. – Кстати, меня зовут Дейв Уилерман. Я музыкальный руководитель церкви».

«Здесь есть музыкальное отделение?»

«Да. У нас есть ансамбль со сменным составом из пятнадцати человек. Из них мы создаём три церковные группы».

«В прошлом вы тесно сотрудничали с пастором Вудаллом?»

«Совершенно верно. Минимум два раза в неделю у нас проходят совещания. Помимо работы он уже больше десяти лет является для нас с женой и детьми хорошим другом».

«У вас есть мысли о том, кто мог сделать с ним такое? Может, есть кто-то, кто был обижен или зол на пастора Вудалла?»

«У нас большая церковь. Не думаю, чтобы хоть кто-нибудь из сотрудников был знаком со всеми прихожанами. Но что касается меня, то я так сразу и не припомню никого, кто бы злился на него настолько, чтобы сделать такое...»

Предутренний мрак скрывал слёзы Дейва Уилермана, но когда он поднял глаза на Макензи, она их заметила. Он находился в смятении, не зная, что и сказать.

«У вас есть время поговорить наедине?» – спросила Макензи.

«Да».

Она жестом пригласила его следовать за ней. Она отошла от бетонной дорожки, ведущей к церкви, и направилась назад к машине. Она открыла пассажирскую дверь и пригласила Дейва сесть, решив, что ему пойдёт на пользу, если он даст отдых ногам и немного расслабится. Она села на водительское сидение и, закрывая дверь, заметила, что Уилерман находится на грани срыва.

«Остальным работникам церкви уже сообщили?» – спросила Макензи.

«Нет, сообщили только руководству, мне и ещё некоторым приближённым пастора Вудалла. Сейчас обзванивают остальных. Думаю, что через час или около того все уже будут в курсе».

«Это хорошо, – подумала Макензи. – Они узнают новость от знакомых, а не по телевизору».

«Поправьте меня, если я ошибаюсь, – сказала она, – но там, у церкви мне показалось, что вас что-то мучает. Вы хотите мне что-то рассказать, о чём не могли говорить на людях?»

«Как вы понимаете, у нас большая община. Если посчитать количество прихожан, которые приходят на две службы каждое воскресенье, то получится пять-семь тысяч человек. Людей много, и поэтому делами и заботами церкви занимается совет старейшин. В нашей церкви он состоит из шести человек, то есть состоял из шести человек. Прежде чем покинуть нас, один из них стал вести себя странно. Не думаю, что он смог бы совершить подобное, но... Я не знаю. Некоторые его высказывания... звучали ошеломляюще, пугали других старейших,... работников...»

«Как его имя?»

«Эрик Кроуз».

«Что именно он говорил?» – спросила Макензи.

«Он постоянно повторял, что рано или поздно свет рассеет тьму, и иногда этот свет может ослеплять. Он говорил, что свет должен сжечь Живое Слово».

«И как долго он вёл себя подобным образом?»

«Я бы сказал около месяца. Насколько я понимаю, он ушёл по собственному желанию, но до этого старейшины и пастор Вудалл говорили о том, чтобы его уволить. Главное во всём этом было то, что всё, что говорил Эрик, было верно с точки зрения Писания: это были слова Иисуса и то, во что верили наши прихожане. Но,... я знаю, это прозвучит глупо,... дело было не в том, что он говорил, а в том, как он говорил. Вы меня понимаете? В его словах был подтекст. Более того, раньше он никогда себя так не вёл. Да, он был одним из старейших служителей, но до этого он никогда не цитировал Писание и не говорил об адском пламени и тому подобном».

«Если вы не считаете, что он мог совершить убийство, зачем вы его упомянули? Всех насторожила резкая перемена в его поведении?»

Уилерман пожал плечами: «Нет. Правда, некоторые заметили, что Эрик всеми силами избегал встреч или групповых занятий, которые посещал пастор Вудалл. Они никогда не были лучшими друзьями, но всегда ладили. Однако когда он начал вести эти разговоры о свете во тьме, то как-то ещё больше отдалился от пастора Вудалла».

«Вы говорите, он уволился две недели назад?»

«Да, плюс-минус несколько дней. Я не знаю, вступил ли он в другую церковь с тех пор. Ещё странно то, что казалось, что Эрик знал расписание пастора Вудалла. Тот несколько дней назад вернулся из отпуска».

«Отпуска?»

«Да. Дважды в год он берёт небольшой отпуск и отправляется на тихий островок у берегов Флориды».

«И как давно он вернулся из отпуска?» – спросила Макензи.

«Они с женой вернулись пять дней назад».

Макензи задумалась над его словами, мысленно разбирая информацию по полочкам. Затем она вернулась к разговору о бывшем старейшине Эрике Кроузе, которого упомянул Уилерман.

«Вы не знаете, где живёт Кроуз?» – спросила она.

«Знаю. Я несколько раз бывал у него в доме для молитв и групповых чтений».

Странно, но Макензи настораживал этот Кроуз. Время его увольнения из церкви идеально подходило под типаж подозреваемого. Ей становилось не по себе от мысли, что ныне скорбящий Уилерман когда-то брался за руки и молился бок о бок с тем, кто в последние несколько дней убил троих человек.

«Вы можете дать мне адрес?»

«Могу, – ответил Уилерман, – но прошу не говорить ему, что вы узнали его от меня... или кого-либо другого из нашей церкви, если уж на то пошло».

«Не беспокойтесь».

Уилерман нехотя продиктовал адрес дома Эрика Кроуза. Макензи записала его в телефон, вдруг осознав, что пусть физически Уилерман вёл с ней беседу в машине, мыслями он был с теми, кто скорбел у дверей церкви. Сейчас он смотрел в их сторону через стекло машины и вытирал слёзы.

«Спасибо, что уделили мне время, мистер Уилерман», – сказала Макензи.

Уилерман молча кивнул, а потом вышел из машины. Он склонил голову в молитве ещё до того, как дошёл до группы молящихся. Макензи видела, что он весь дрожит. Она никогда не понимала, как люди могли так глубоко верить в невидимого Бога, но уважала чувство сплочённости, которое явно существовало среди тех, кто разделял одни и те же взгляды. В этот момент ей было искренне жаль Дейва Уилермана и других прихожан церкви Живого Слова из-за пустоты, которую они почувствуют на ближайшей воскресной молитве.

Подталкиваемая чувством сострадания, Макензи выехала с прицерковной парковки и направилась на запад, следуя за первой весомой зацепкой, которая

появилась в этом деле.

Глава девятая

Она приехала к дому Эрика Кроуза в 6:40 утра. Дом находился в благополучном районе, где домам уделялось больше внимания, чем газонам, и где дома теснились друг к другу. Гараж был закрыт, и нельзя было сказать, есть кто дома или нет, хотя, учитывая ранний час, Макензи предположила, что ей точно откроют дверь.

Подходя к дому, она жалела, что не купила по дороге ещё один кофе. Не верилось, что ещё не было и семи часов утра. Макензи попыталась придать лицу бодрое выражение, позвонив в дверной звонок резиденции Кроузов. За дверью сразу послышалось шарканье шагов. Секундой позже дверь немного приоткрылась, и наружу выглянула женщина.

«Что вам нужно?» – подозрительно спросила она.

«Простите за ранний визит, но у меня важное дело, – сказала Макензи. – Я агент ФБР Макензи Уайт. Я ищу Эрика Кроуза».

Женщина медленно открыла дверь: «Это мой муж. Он,... хм, сегодня утром он получил ужасное известие. Полагаю, вы здесь именно поэтому? Из-за ночного убийства?»

«Верно, – ответила Макензи. – Если бы я могла с ним поговорить...»

«Конечно, – сказала женщина. – Входите, входите».

Макензи погрузилась в запах жарящегося бекона и свежесваренного кофе. Дом Кроузов был красив не только внешне, но и изнутри: здесь были высокие потолки, лепнина, деревянные полы, гранитные столешницы и бар на кухне. В кухне женщина провела Макензи к большому обеденному столу. В этом доме кухня также служила столовой. За столом сидели мужчина и мальчик лет десяти. Мальчик ел кашу, а мужчина пил кофе и читал что-то в ноутбуке.

«К нам пришёл агент ФБР», – сказала жена Кроуза.

Кроуз поднял глаза, быстро моргая, словно спрашивал: «Что здесь происходит?». Затем он поднялся с места и подошёл к Макензи. Он устало улыбнулся, и по выражению его лица она поняла, что, как и Дейв Уилерман, сегодня утром он пролил немало слёз.

Кроуз протянул руку для рукопожатия, и Макензи её пожала. Всё это время она не отрывала взгляда от его лица, ища притворные эмоции или показушность, которыми он хотел сбить её с толку. Ничего подобного она не увидела и поэтому не могла сказать, скрывает Кроуз что-либо или нет.

«Полагаю, вы здесь из-за пастора Вудалла?» – спросил Эрик.

«Да, – сказала Макензи. – Мы можем где-нибудь поговорить?»

«Хм, да, – ответил он. Он посмотрел на сына и похлопал его по плечу. – Давай-ка вы с мамой пойдёте в ванную и закончите сборы в школу. Хорошенько почисти зубы, договорились?»

Мальчик посмотрел в тарелку с недоеденной кашей, но подчинился. Жена последовала его примеру, выведя сына из кухни в коридор, который уходил вправо. Когда они скрылись из вида, Эрик взглянул на кофейник, стоящий на столе, и спросил: «Кофе?»

«Да, пожалуй, я бы выпила кофе».

Эрик вошёл в кухню. Макензи последовала за ним. Он взял чашку из шкафа и наполнил её кофе из кофейника: «Сливки? Сахар?»

«Я буду чёрный», – ответила Макензи. Она была уверена, что он тянет время, изо всех сил строя из себя милого гостеприимного хозяина.

Когда он передал ей чашку, она поблагодарила его и сделала глоток. Кофе был крепким и вкусным – то, что надо.

«Откуда вы узнали о пасторе Вудалле?» – спросила она.

«Мне позвонил один из старейшин. Я так полагаю, что раз вы здесь, вам уже известно, что до недавних пор я тоже был таковым».

«Да, мне это известно. Ещё я знаю, что вы ушли на фоне разногласий и враждебности».

«Всё так».

«Можете подробнее рассказать о ваших высказываниях относительно света и тьмы, о том, чтобы сжечь Живое Слово».

Эрик замялся, делая глоток из чашки: «Понимаете, дело в том, что задай вы мне этот самый вопрос вчера, я бы с удовольствием вам ответил. Но сегодня всё изменилось».

«Что ж, мистер Кроуз, вчера у меня не было причины задавать вам этот вопрос, но сегодня мы имеем убитого пастора, с которым вы совсем недавно поругались,... пастора, с которым вы несколько лет работали вместе, а потом вдруг перестали его замечать».

«Справедливо, – сказал он. Он немного склонился вправо, чтобы заглянуть в коридор и убедиться, что жена и сын их не слышат. Удостоверившись, что их нет рядом, он подошёл ближе к Макензи. – Послушайте... Три месяца назад я узнал кое-что, касающееся пастора Вудалла. Поначалу я отказывался верить, но потом я увидел доказательства и больше не мог их отрицать. Я... я просто не знал, как правильно реагировать».

«Что вы узнали?»

«Агент Уайт,... он умер. Он умер только что. Что я за человек, если сразу начну порочить его память? Меньше всего мне хочется смешивать его имя с грязью после кончины».

«Обещаю сохранить всё в тайне, – ответила Макензи. – Об этом не узнает никто, кроме моего начальника и ещё двух-трёх агентов».

«Вы даёте слово?»

«Да, – сказала она. – Однако если я всё правильно понимаю, несколько недель назад вы не особо заботились о том, чтобы не смешивать его имя с грязью».

Эрик не смог скрыть ухмылки: «Сплетнями и слухами... обычно славятся маленькие провинциальные церкви. Да... У меня не получилось держать рот на замке. Я говорил дикие вещи, которые пугали людей, но поверьте мне... Зная то, что я знал, я мог вывести его на чистую воду и навсегда втоптать в грязь, но я этого не сделал».

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://telnovel.com/pirs_bleyk/prezhde-chem-on-sogreshit

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)